

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Сказание о сибирском хане, старом Кучюме

Легенда.

**Дмитрий Наркисович Мамин-
Сибиряк**

**Сказание о сибирском хане,
старом Кучюме**

Песня про сибирского хана, старого Кучюма -- песня самая печальная и для того, кто её поёт, и для тех, кто слушает. Заплакало бы небо, застонала земля: леса и степи покрылись бы печалью, а реки вскипели горячей кровью, если бы нашёлся человек, который сумел бы рассказать всё, что было тогда, когда старый хан Кучюм сидел в Искере и потом бился с неверными. Плачь, человек, если есть у тебя сердце и запас слёз; плачь, кто бы ты ни был: верный или неверный!..

Старая ханша Лелипак-Каныш упрекала своего мужа, хана Кучюма:

-- Ты, старый Кучюм, сын Муртазы-хана и внук Ибак-хана, ты забыл меня, забыл, кто тебе родил трёх батырей: красавца Алея, Абдул-Хаира и Арслан-хана. Кто лучше Арслан-хана проедет на коне, кто храбрее Абдул-Хаира, а про Алея девушки поют песни в самой Бухаре. Трёх сыновей родила я тебе и красавицу дочь Лейле-Каныш... Бессовестный ты человек, Кучюм!.. Мою красоту, которая цветёт в моих детях, твои несытые глаза

ищут променять на первую попавшуюся на глаза девчонку... Мало тебе семи законных жён, мало двадцати наложниц, мало русских пленниц, которых Махметкул приводит с Камы; -- нет, ты, как волк, забравшийся в овечьё стадо, хочешь зарезать самую лучшую овцу!..

-- Молчи, Лелипак, молчи, отродье Шигая! -- отвечал Кучюм, грозно сдвигая седые брови. -- Если бы не дети, я давно сделал бы с тобою то же, что твой отец Шигай-хан сделал с моим братом Ахмет-Киреем. Родная твоя сестра была жена Ахмет-Кирея, а Шигай-хан не постыдился убить зятя. Молчи, отродье Шигая!..

-- Я всё молчала, всю жизнь молчала, Кучюм... Ты брал наложниц -- я молчала, ты привёл вторую жену Симбулу -- я молчала; ещё четырёх жён взял -- я тоже молчала; последнюю жену, красавицу Сузгэ, привёл -- я молчала; всю жизнь провела в молчании. Но ты забыл, Кучюм, что я ханская дочь и твоя старшая жена, и что меня нельзя выгнать, как других жён или наложниц. Моя кровь встанет за мою старую голову, а твои глаза смотрят день и ночь на Карача-Куль. О, будь проклято это озеро, которое налито не водой,

а моими старыми слезами... Много там моих слёз, Кучюм, и Сайхан-Доланьгэ не высушит их своим девичьим смехом, весёлыми песнями и огнём поцелуев. У неё есть свои глаза, Кучюм, и смотрят они на другого, а мурза Карача обманет тебя. У него под каждым словом спрятано две змеи... О, Кучюм, Кучюм! зачем хочешь ты опозорить мою старую голову и ввести новую ханшу; ведь Сайхан-Доланьгэ - старой княжеской кости, проклятой кости Тайбуги. Когда она войдёт в одну дверь, я уйду в другую...

Закипело волчье сердце Кучюма от этих слов, огнём вспыхнули глаза -- старая ханша сказала горькую правду. Он уже схватился за кривой бухарский нож, но остановился и глухо застонал.

-- Ну, что же ты не убьёшь меня? -- спрашивала Лелипак-Каныш. -- Зачем ты прячешь от меня свои глаза, хан Кучюм?.. Ты, который ничего не боишься и ничего не стыдишься -- ты трусил беззащитной старухи... Твоё сердце давно утонуло в чужой крови, так убей ещё мать твоих детей, а Сайхан-Доланьгэ утешит тебя.

— Молчи, Лелипак-Каныш: в тебе сидит шайтан. Я когда-нибудь вырву твой проклятый язык...

— А ты забыл убитого тобой сибирского хана Эдигера?.. Забыл его жену, ханшу Тэс-Удуль, которая бежала в Бухару и там родила сына — это кость Тайбуги и она заплатит тебе за мои слёзы. Мало тебе этого?.. Ты же убил и брата хана Сейдяка, храброго Бик-Булата... О, Кучюм, Кучюм, ты и со своим царством поступаешь, как со мной: ты забыл и его для Сайхан-Доланьгэ. Проснись хан, пока не поздно, а я не хочу накликать беду на твою седую голову, в которой, как змеи, шевелятся чёрные мысли...

— Не говори мне ничего: я знаю, что делаю, и не тебе учить меня. Ты давно выжила из ума и каркаешь, как ворона. А мои сыновья не виноваты, что в их мать вселился шайтан... И Сайхан-Доланьгэ не виновата, что моложе и красивее всех на свете. Она будет моя, если я захочу, и ты будешь счастлива, если я позволю тебе обувать и разувать её.

Так бранились и попрекали друг друга старики. Они и не заметили, как вошёл седой,

как лунь, Хан-Сеид, остановился у дверей и со стыдом в лице опустил свои святые глаза. Лелипак-Каныш уже раскрыла рот, чтобы бросить в лицо мужу последнее и самое сильное обвинение, но оглянулась и -- смутилась. У старой ханши упало сердце со страха, и она горько заплакала.

-- О, пророк, да благословит Бог Сеида и да приветствует, -- говорил Кучюм, кланяясь Хан-Сеиду в пояс, как никому не кланялся.

-- О чём ты плачешь, Лелипак-Каныш, дочь Шигай-хана? -- спрашивал Хан-Сеид, не отвечая Кучюму. -- Радуйся настоящим горем и печалься настоящей радостью: так нужно... Уж вороны летают над Иртышом, в степи воют волки, а ты ничего не бойся. У тебя останутся хоть глаза, чтобы оплакивать твоё старое горе, а у других и этого не будет. Ты сейчас гордилась своими детьми, а стрела уже легла на тетиву, и много матерей не найдут достаточно слёз, чтобы оплакать погибших детей. Твоё сердце, ханша, крепче Искера, и в нём найдут место все, кого ты любишь. Горе идёт, как туча, и не останется от храбрых ни мяса, которое могли бы есть вороны, ни кро-

ви, которую могли бы лизать собаки. Вот что будет, Лелипак-Каныш! Горе побеждённым, которые будут рады питаться собственным телом, как это делал Темир-Ленк... Вот что я сказал тебе, ханша Лелипак-Каныш, а ты оставь мужчин делать своё дело.

-- Святой человек, образумь моего мужа, -- со слезами молила Лелипак-Каныш, хватаясь за полы зелёного халата Хан-Сеида, -- он и себя и всех погубить... Казаки уж плывут по Туре и взяли городок мурзы Епанчи, а хан Кучюм думает о девичьих глазах, и его сердце смеётся на Карача-Куль.

-- Всё знаю, ханша Лелипак-Каныш, дочь Шигай-хана, -- печальным голосом отвечал Хан-Сеид. -- Но вот что я скажу тебе: смерть близко... Смерть всех сравнивает: и богатых и бедных, и старых и молодых, счастливых и несчастных. Аллах велик, а мы будем молиться...

Лелипак-Каныш поклонилась в ноги Сеиду и вышла на свою женскую половину, а Хан-Сеид опустил свои святые глаза в землю, чтобы старый Кучюм не видел глядевшую из них святую печаль. О, святой человек видел всё,

видел живых людей мёртвыми, видел убитыми лучших сибирских батырей, обещанных женщин и уведённых в неволю детей; пожары и грабёж видел он, и ещё хуже того: видел изменников, которые притворяются храбрыми и предадут родину. Но ничего не мог сказать Хан-Сеид даже Кучюму, и только святая печаль глядела его святыми глазами.

-- Кучюм-хан, сын Муртазы-хана и внук Ибак-хана, вот тебе моё слово, -- заговорил Хан-Сеид, не вытирая катившихся по седой бороде слёз. -- Да, я скажу тебе, внук Ибак-хана: твоё волчье сердце упилось давно чужой кровью, нет в тебе жалости и твои враги считали за счастье умереть, только бы не попасть в твои руки... По колени ты ходишь в грехе, сын Муртазы-хана, и твоя седая голова всегда переполнена гнусными замыслами. Ты плаваешь в чужой крови, внук Ибак-хана и давно потерял счёт убитым тобой... Правду ли я говорю, Кучюм?

-- Святой человек, ты всё знаешь и видишь, -- отвечал Кучюм, -- но ты также знаешь и то, что все ханы на свете одинаковы... Чем лучше меня бухарский Абдулла-хан, ко-

торый послал тебя ко мне, и который убил шестнадцать братьев, чтобы одному завладеть отцовским престолом. Я убил хана Едигера, я убил его брата Бик-Булата, я истреблю до конца проклятую кость Тайбути, потому что хочу быть одним ханом сибирским, а Искер всегда будет моей столицей... Когда Чингиз завоевал великую Бухару, он подарил костям Тайбути всю Сибирь, а Сибирь всегда принадлежала хану Ибаку и его кости -- я из кости Ибака и крепко держу свою отчину и дедину.

-- Вот тебе ещё моё слово, Кучюм-хан: идут на Искер казаки, они убивают татар громом и молнией, -- заговорил Хан-Сеид, поднимая глаза. -- Вот тебе случай смыть всю кровь с себя... Проснётся твоё волчье сердце, сын Муртазы-хана, и, когда другие сделаются данниками Белого Царя или убегут в Степь, ты один будешь наводить страх на всех. Большое горе ждёт тебя на каждом шагу, но оно покроется молодой радостью, как выжженная зноем степь покрывается зелёной травой и яркими цветами от первого дождя.

Ночь стоит над Искером, плачет и стонет под горой Иртыш, а на городской стене стонет и плачет Лелипак-Каныш, схватившись за свою седую голову костлявыми руками. Днём она всё смотрит в московскую сторону, куда увезли её милого сына Арслан-хана, а по ночам бродит по городу, как старая волчица, у которой отняли волчонка. Зачем она ханша, зачем жена Кучюма, а не простая татарка, которая умирает на руках своих детей? Самые бедные татарки теперь уж давно спят, не спит одна ханша Лелипак-Каныш и не может утишить своего старого сердца... Думает ли о ней Арслан-хан, сидя заложником в Москве, или забыл мать, как приручённый сокол забывает родное гнездо? Много в Москве зажились татарских царевичей, а Белый Царь опутывает их своими княжнами и поместьями. Слышит ли твоё молодое, горячее сердце, Арслан-хан, как убивается старуха-мать, или полюбилась тебе московская неволя? Изменит муж своей жене, лучшая красавица полюбит другого, самый храбрый батырь побежит перед кровавым страхом смерти, а материнское

сердце всегда верно себе; не думает Лелипак-Каныш о четырёх сыновьях, которые у неё на глазах, не думает о красавице дочери Лейле-Каныш, а все её мысли, как ночные птицы над огнём, вьются около Арслан-хана...

Грозно шумит Иртыш, высоко на берегу поднимается Искер; а кругом города день и ночь роют окопы, делают рвы и засеки. Нужно защитить город от надвигающейся московской грозы, а Искер -- сердце Сибири. Ночью работа идёт при огнях, и хан Кучюм сам следит за всем: он никому не верит, кроме своего глаза. И теперь кипит работа, но Лелипак-Каныш не видит огней, не слышит человеческих голосов и бродит по городу, как тень. Разве уйдёшь от беды, если бы поднять стены до самого неба и повернуть Иртыш от студёного моря к тёплому?.. Бродит Лелипак-Каныш из улицы в улицу и всё чего-то ждёт, а сама слышит, как бьётся её сердце в груди. Идут казаки, будет война, а её Арслан-хан всё будет томиться в московской неволе, и не увидят его её старые глаза. Хан-Сеид -- святой человек, а и он ничего не говорит об Арслан-хане.

Ходит Лелипак-Каныш и не слышит конского топота: это мчится старый Кучюм-хан на своём лучшем аргамаке, а его прислужники едва поспевают за ним, потому что быстрее коней летит ханское сердце. Мчатся за Кучюмом его лучшие советники и батыри: главный советник Чин-мурза, брат молодой ханши, красавицы Симбулы, мурза Булат, киргизский царевич Ураза-Магмет; как тени, летят они молча за Кучюмом, и только нет в этой свите батыря Махметкула и ни одного из ханских сыновей. Совестью стало Кучюму своей собственной крови, и он оставляет сыновей дома... Несётся хан Кучюм, несётся за ним, как ветер, его свита, и чуть они не смяли бродившую по улицам Лелипак-Каныш. С криком бросилась она в сторону, прижалась к стене чужого дома и всё поняла, -- поняла, что так гонит Кучюма ночью, почему нет с ним сыновей. Святые слова Хан-Сеида не подействовали на него.

-- О, будь проклят ты, отец моих детей! -- крикнула в след Кучюму старая Лелипак-Каныш, поднимая руки к небу. -- И будь проклято место, куда тебя гонит твоё волчье сердце!..

Но не слышит старый Кучюм этих слов и несётся вперёд: свои года и старость он оставил в Искере, а его сердце бьётся молодой, горячей кровью. Раньше, также быстро летал он на своём аргамаке в Сузгун, что красуется над Иртышом, и где цвела своей красотой ханша Сузгэ, но заросла травой дорога в Сузгун, и ханский аргамак без поводов знает путь к Карача-Куль. До Карача-Куль один переезд, но хану Кучюму он кажется дальше, чем до Ургенджа. Светлое озеро Карача-Куль совсем спряталось в зелёных камышах, и крепко засел на нём старый мурза Карача с своим улусом. Хмурит он свои седые брови, когда слышит знакомый топот ханского аргамака, а его дочь, красавица Сайхан-Дола-ньгэ, только смеётся, потряхивая золотыми монетами, которыми усыпаны её чёрные волосы и белая грудь. Оставляет свою свиту хан Кучюм в улусе, а сам идёт к мурзе Караче один, чтобы не встревожить Сайхан-Дола-ньгэ. Выходит к нему на встречу сам мурза Карача и кланяется до земли.

— Да хранит бог хана Кучюма, — говорит хитрый старик, принимая ханского коня. —

Какая забота загнала хана в такую пору ко мне? Глаза старого Карачи счастливы видеть солнце в своём улусе...

Молча идёт Кучюм в ставку Карачи, молча садится на дорогой бухарский ковёр, а Сайхан-Доланьгэ уже подносит ему чашу с кумысом, и смеётся ханское сердце. За Сайхан-Доланьгэ, как тень, ходит старая шаманка Найдик.

-- Да хранит бог хана Кучюма, и пусть радуется его сердце, -- говорит Сайхан-Доланьгэ, кланяясь Кучюму в пояс. -- И ночью хан Кучюм не спит -- есть забота у хана.

-- Ты давно знаешь мою заботу, Сайхан-Доланьгэ, -- говорит Кучюм, не отрывая глаз от красавицы.

-- Казаки идут к Искеру?..

-- Искер крепко стоит и будет ещё крепче...

-- Не захворала ли красавица Сузгэ?

-- И Сузгэ здорова...

Сидит хан Кучюм, пьёт кумыс и весело болтает с Сайхан-Доланьгэ: нет для него ни Искера, ни казаков, ни красивой Сузгэ. Всё на свете забывает хан Кучюм для своей красави-

цы и, оставляя ханскую гордость, поёт ей свои песни, как самый бедный степной пастух:

Твои брови тонки, как новый месяц,
?Свежей розой заперт жемчуг зубов...
?Весело горит молодой огонь в твоём оча-
ге, красавица,
?А когда ты смеёшься -- ночь озаряется све-
том.

Две полных луны стыдливо дремлют на
твоей белой груди.

Две звезды смотрят из под чёрных ресниц.
Но кто тот счастливец, для которого побе-
гут к порогу твои маленькие ножки,

А белые руки с тонкими пальцами разой-
мутся сами собою?

?Если бы ты взглянула на меня ласково --
разлился бы я чистым серебром;

?В другой -- расплавился бы золотом!

?Пусть умру я мучеником,

?Но только в твоих объятиях...

Но я ухожу от тебя печальный,

И сердце моё покрывается льдом;

Во сне я вижу тебя и мгновенно умираю,

Просыпаюсь -- и ещё раз умираю.

Слушает Сайхан-Доланьгэ ханскую песню и думает о другом, думает о молодом батыре, который уже три раза волчьими тропами ходил через Камень и возвращался оттуда с богатой добычей, -- по степным аулам уж поют песни про батыря Махметкула. Само счастье широкой тенью ходит за батырем Махметкулом; одно его имя наводит кровавый ужас на всех, кроме Сайхан-Доланьгэ, этой черноволосой красавицы с розовыми ушами и тонкими пальцами. Да, хан Кучюм поёт свои песни Сайхан-Доланьгэ, а Сайхан-Доланьгэ думает о батыре Махметкуле.

-- Хана все любят, -- отвечает с улыбкой хитрая красавица. -- А я тебе спою, хан, старую песню. Слушай...

Храбрый молодец своё копьё мочит в крови.

А бесстыдник проводит ночи без сна...

Так начиналась старая песня "о соломинке", в которой воспевались подвиги великого хана Темир-Ленка. Всему научался Те-

мир-Ленк у муравья. Это ещё было тогда, когда, разбитый своими врагами, хан спасался в развалинах какого-то старинного кладбища. Темир-Ленк, как змея, заполз между могильными камнями и ждал здесь своей смерти. Он был один, а враг гнался по пятам. В ожидании смерти, Темир-Ленк мог наблюдать только муравья, который тащил длинную соломинку на могильную плиту. Сорок раз он обрвался с неё, а сорок первый втащил. Погоня пронеслась над головой Темир-Ленка, а он сделался, благодаря мудрости муравья, величайшим из всех ханов. Вот о чём пела красавица Сайхан-Доланьгэ, весело позванивая своим девичьим золотом и серебром.

Так смеялась в глаза над старым ханом Кучюмом капризная красавица, и он уезжал к себе в Искер, низко опустив голову. Но стыд не удерживал его, и хан опять приезжал на Карача-Куль, а Сайхан-Доланьгэ опять смеялась над ним, спрашивая о Лелипак-Каныш, о Сузгэ и других ханшах. Но с каждым разом старый Кучюм делался всё мрачнее и, наконец, сказал мурзе Караче:

— Отдай мне Сайхан-Доланьгэ, Карача...

— Оставь хан! этому никогда не бывать, — смело ответил старый мурза. — У тебя большие сыновья от Лелипак-Каныш, и, когда ты умрёшь, они выгонят мою дочь из ханской ставки, как опоённую лошадь.

— Карача, ты забыл, с кем говоришь?!

— Нет, я знаю тебя, хан, знаю больше других... Ведь мы вместе с тобой резали людей, вместе и хана Сейдяка убили. И меня ты зарежешь, как овцу, чтобы взять Сайхан, но сам я всё-таки не могу отдать её тебе.

— Я тебя осыплю золотом, старый упрямый верблюд...

— Разве моя дочь лошадь, что я буду её продавать? Для этого есть невольницы, а моя дочь старой ханской крови. Отними её силой и владей!..

Разве любовь возьмёшь силой? Хан Кучюм зазывал себе шаманку Найдык и уговаривал её приворожить сердце Сайхан-Доланьгэ. Хитрая Найдык принимала богатые ханские подарки и говорила:

— Ты будешь счастлив, хан, как никто другой...

Она то же самое говорила и батырю Мах-

меткулу, когда он привозил ей подарки из-за Камня, с московской стороны.

III

Как огонь идёт по степи, так шли казаки всё дальше и дальше. На переднем струте плывёт сам Ермак с любимым своим пятидесятником Богданом Брызгой, а на других стругах атаманят Иван Кольцо, Никита Пан, Матвей Мещеряк и Гроза Иванович. Тонкими голосами запели татарские стрелы на Туре, когда казаки приступили к первому татарскому городку мурзы Епанчи. Грянул гром в руках казаков, и бежали татары. Так взят был городок Епанчи и другой городок Цимги. Помутилась вода кровью в самом Тоболе, а казацкие струги плывут всё дальше.

Укреплён Искер; Кучюм засел под Чувашей горой. На Иртыше ждёт казаков в своём городке мурза Атик, а недалеко от устьев Тобола, у бабасанских юрт, собрался цвет татарского войска с батырем Махметкулом во главе. Пришли на помощь вогульские и остяцкие князьки, которые вместе с Кучюмом за-

сели под Чувашьей горой. Не верит старый Кучюм вогульской и остяцкой храбрости, но теперь всякая помощь дорога. Только два человека не боятся казаков: старый Кучюм и молодой Махметкул, и оба они думают о лукавых глазах Сайхан-Доланьгэ. Как волк в камышах, сидит Кучюм под Чувашьей горой, ждёт Махметкул у бабасанских юрт, а казаки плывут всё дальше. Запели стрелы уже на Тоболе и закипела жестокая сеча, какой ещё не было видано: встретились в первый раз лицом к лицу два батыря -- Махметкул и Ермак. Целый день они бились; как скошенная трава, полегли храбрые, а к вечеру дрогнули татары, и Махметкул, батырь Махметкул, бежал с поля битвы... Если бы у ночи были глаза, она плакала бы как мать и над теми, кто честно положил свою голову за родину, и особенно над теми, кто позорно бежал с поля битвы. Нет пощады трусам, нет слова хуже, которым их встретит каждый мужчина и каждая женщина, а Махметкул бежал от Ермака, как заяц от охотничьей собаки. Забыл он о прекрасных глазах Сайхан-Доланьгэ, забыл о старой матери Кюн-Арыг, седую голову которой по-

крыл позором.

— Нет у меня сына, — твердила Кюн-Арыг, — это заячьи ноги, а не мой сын... У бабасанских юрт умерла моя радость!..

— Твой батырь Махметкул — молокосос и щенок. — говорил старый мурза Карача дочери. — Ему бы доить кобылиц, а не воевать... Теперь казаки пойдут на Иртыш и возьмут городок мурзы Атика.

Горько плакала Сайхан-Доланьгэ, плакала вместе с ней шаманка Найдык, а когда две женщины сойдутся вместе, то они непременно что-нибудь придумают. Снарядили они старого шамана Кукджу и послали его в Искер, чтобы старик разыскал там батыря Махметкула и заговорил его сердце, — всё знал шаман Кукджу, и всё мог он сделать. Он выгнал злого духа из Лейле-Каныш, когда ханская дочь совсем умирала, и вернёт Махметкулу его храбрость. Сто лет шаману Кукджу; жёлтая борода у него росла от самых глаз, точно мох на старом пне, но мурза Карача держал его в своём улусе, как дорогого гостя. Хитрый Карача и столетний шаман молились ещё старым богам, — святой Оби и буйному

Иртышу.

— Хан Кучюм оставил старых богов, и старые боги его оставили, — говорил Кукджу мурзе Караче. — Хан-Сеид с своим пророком не спасёт хана Кучюма... Вот что видели столетние глаза Кукджу: каждую ночь, на Иртыше с татарской стороны выходит белый волк, а с московской чёрная собака и дерутся они до белого света. Кровью покрывается вода, Иртыш мечет огненные искры, а над Искером встаёт московский город с белыми церквями. Вот что видят столетние глаза Кукджу! Ещё раньше пришло в Сибирь белое дерево, а за ним придёт и белый царь... Вот что сделали старые боги, которых оставил хан Кучюм!

Мурза Карача думал одно, а вышло другое. Не боялся он за свой улус и даже жалел мурзу Атика, которого разорит Ермак, — одна дорога по реке у казаков, а Карача-Куль останется вправо. Позорит Ермак других мурз, награбит богатств, может быть, и до Искера доберётся, а по заморозкам уйдёт с добычей за Камень, как делал Махметкул с закамской стороной. Останется тогда старый Карача богаче и сильнее всех, а Кучюм стар, сыновья у него ещё

молоды, счастье переменчиво, и если Сайхан-Доланьгэ не суждено быть ханшей, то она будет дочерью нового сибирского хана. Не успел старый мурза додумать своих хитрых мыслей, как на Карача-Куль налетела гроза. Пока сам Ермак отдыхал у бабасанских юрт, атаман Кольцо бросился с казаками на карачинский улус, точно степной вихрь, который засыпает песком целые города и вырывает столетние деревья с корнем. Не было времени даже подумать о защите, а ноги сами бежали... К утру, где вчера стоял карачинский улус, не осталось даже дыма от пожара, а валялись одни трупы убитых да были собаки. Сам Карача едва успел спастись на одной лошади с Сайхан-Доланьгэ. Они опомнились только в Искере, куда народ сбегался от казаков со всех сторон.

— Если Махметкул и твой отец не могли тебя защитить, так я тебя сберегу, -- сказал старый Кучюм, когда увидел красавицу Сайхан в Искере. -- Теперь ты моя гостья... Не бойся ничего, пока жив хан Кучюм.

Ласково говорил старый хан, забывая для красавицы даже висевшую на носу беду, а та

по прежнему ненавидела его нечистую, старую любовь и думала о Мехметкуле.

Все мурзы и улусники Кучюма собрались в Искере. Враг близко, нужно подумать о своих жёнах и детях, а военное счастье изменчиво. Долго думали и решили отправить всё имущество, женщин, детей и стариков в степь, где красовалось ханское летнее стойбище Наоболак. Так беда соединила Лелипак-Каныш и Сайхан-Доланьгэ, как зиму с летом, как вечернюю зарю с утренней. Старая ханша не подала и виду, что ненавидит свою молодую гостью, которую с радостью задушила бы своими костлявыми руками, а теперь должна была везти в степь вместе с своей дочерью Лейле-Каныш.

Много было слёз, когда начали выезжать из Искера жёны, наложницы и невольницы Кучюма, а за ними потянулись жёны и дети разных мурз. Остались в городе только те, которым некуда было бежать, да те, которым суждено было здесь умереть. Все руки, которые могли ещё бороться с врагом, были впереди, на берегу Иртыша, а впереди всех опять стоял батырь Махметкул, грозный и непри-

ступный как река, которая готова выступить из берегов и затопить всё кругом.

-- Будет то, чего не миновать, -- говорил батырю старый шаман Кукджу. -- У смерти нет глаз, как и у счастья; но есть глаза у Сайхан-Доланьгэ и они смотрят на тебя давно... Женщина -- тетива, которая посылает стрелу-мужчину. Не бойся ничего: я буду с тобой, как сказала Сайхан-Доланьгэ.

Туча лежит на сердце у Мехметкула, и ждёт он новой сечи, как праздника, чтобы смыть свой позор вражеской кровью. О, он утонет в этой чужой крови, чтобы не слышать страшного слова: "трус". А казаки уж поднимаются вверх по Иртышу, к городку мурзы Атика. Грозно надулась сердитая река, со стоном бьются о берега седые волны, рассыпаясь серебряной слезой, а сверху глядит на казаков осеннее серое небо, холодное и суровое, как лицо мертвеца... С жалобой бежит ветер по высокой степной траве, точно он ищет кого-то и тоже стонет, как стонет по ночам Иртыш. Чёрные вороны стаяй провожают казацкие струги и ждут кровавой добычи. Тихо в одном Искере, где остался святой чело-

век, Хан-Сеид... Он каждый день обходит все стены и долго молится, подняв руки кверху. По Иртышу к Искеру идёт страшное и великое горе, а над казацкими стругами невидимо летит смерть. Замерло бы в груди сердце у самого храброго, если бы он мог видеть то, что видел Хан-Сеид... Близится день и час, когда по степным стойбищам, улусам и займищам горько заплачут тысячи татарок об убитых мужьях, отцах и детях, а на далёкой русской стороне ответят им тем же матери, жёны и дочери казаков. Это суд божий, и никто не может остановить его ни на одно мгновение...

-- О, пророк, дай силу Кучюму, -- молится Хан-Сеид, падая ниц. -- Вот человек, сердце которого не знает страха и который будет велик в беде, как никто другой...

Под Чувашьей горой сошлись храбрые грудь с грудью, как ещё не видал седой Иртыш. Тут были все мурзы и все князья вогульские и остяцкие. Берег Иртыша почернел от двигавшегося по нём войска, и смерть пряталась за окопами, во рвах и засеках. Сам Кучюм здесь, старый Кучюм, который сотни раз видал жестокие сечи и который сейчас

ждёт врага, как дорогого гостя. Близко казаки... Гулкое эхо прокатилось по Иртышу от их выстрелов, и закипела кровавая сеча. Бьются все с невиданной ещё храбростью. Никому нет пощады, и люди сделались страшнее зверей. Впереди всех бьётся батырь Махметкул, - он выше всех целой головой, и все смотрят на его храбрость. Целый день шла битва и врагов разделила только ночь. Победа осталась нерешённой. Солнце ещё не взошло, а стрелы уже запели. Бой загорелся с новой яростью, и впереди всех опять батырь Махметкул, который молодым львом носился по полю мёртвых. Мало казаков, а убитых много. Дрогнуло сердце у самых храбрых. Счастье переходит к татарам, ещё миг -- и посыплются казацкие головы, как вызревшее на горячем солнце зерно. Схватился Ермак и двинул отчаянных удальцов на засеки, где скрывались остяки и вогулы. Не выдержали напора эти жалкие трусы и побежали; но опять впереди всех Махметкул и ещё сильнее напирают татары. Но вдруг не стало батыря Махметкула, и всё смешалось. Дрогнули татары, а по полю несётся страшная весть: "пал Махметкул,

убит батырь Махметкул!.."

Ещё сильнее ударили казаки, и побежали татары, как застигнутое в степи бураном стадо овец.

IV

Красивое место -- Наоболак. Два степных озера смотрят в небо, как два светлых глаза, опушённых зелёными ресницами степных камышей. Пёстрым ковром облегла степь это любимое ханом Кучюмом место, куда он летом выезжал со всеми своими жёнами, и где веселилось ханское сердце, покрываясь новыми цветами. Но теперь -- осень; в степи шелестит высохшая трава; давно завяли степные цветы, и над весёлым ханским местом чёрной тучей нависла печаль. Сотни кибиток разбиты кое-как, как громадные тюбетейки, упавшие с богатырских голов; горят огни, ржут лошади, а печальные женщины утром и вечером смотрят в ту сторону, где вольно катится Иртыш и откуда все ждут грозных вестей. Сбежались сюда женщины из разорённых городков Епанчи, Карачи и Атика, а луч-

шее место занимает ставка ханских жён и наложниц. Горе соединило всех в одно стадо, но никакое горе не заставит Лелипак-Каныш позабыть молодую красоту Сайхан-Доланьгэ, -- она каждый день у неё на глазах, и каждый день смертельно ноет сердце старой ханши.

Тоскует и Сайхан-Доланьгэ: молодость и красота ей в тягость, потому что и цветы блекнут, когда на них не смотрит горячее солнце. Утешает девушку старая Кюн-Арыг, мать батыря Махметкула.

-- За что ненавидит меня ханша Лелипак-Каныш? -- жаловалась ей Сайхан-Доланьгэ. -- Что я сделала ей?.. Быть женой беззубого старика я совсем не желаю, да и сердце у Кучюма горячее не по годам: сегодня одна жена, а завтра десять новых. Я лучше пойду за степного батыря, которому не на что купить второй жены...

-- Это говорит в тебе гордость, моя красавица, -- стыдила её старая Кюн-Арыг и тяжело вздыхала. -- У всякой девушки своё счастье, а когда состаришься, тогда ничего не будет нужно...

-- Но ведь я ещё молода? Я хочу веселить-

ся... Посмотри, как плачет красавица Сузгэ, которую Кучюм забыл, как и других жён. Она -- гордая киргизка, и Кучюм отбил её у молодого жениха. Спроси её брата, царевича Уразу-Магмета: он знает, как она убивалась в Сузгуне... Лелипак-Каныш утешает себя детьми, а Сузгэ остались одни её слёзы.

По вечерам, Сайхан-Доланьгэ пела старые песни о старых степных батырях, которых любили степные красавицы, и о великих ханах Темир-Ленке, Чингизе, Искандере и Бату. Хорошо пела Сайхан-Доланьгэ, и около неё собирались все старухи, чтобы поплакать вместе о настоящем горе. На эти песни приходила и Лейле-Каныш, как летит птица к птице, -- она оставляла гордость ханской дочери в своей кибитке. Когда на глазах не было старух, красавицы весело смеялись: их молодая радость плавала поверх горя, как масло над водою. Они обе любили батыря Махметкула и обманывали друг друга, как молодые лисицы, когда они играют на солнце.

-- Зачем мы с тобой не сёстры? -- ласково шептала Лейле-Каныш. -- Мать не любит тебя, а я не могу без тебя жить...

-- И я тоже, -- отвечала Сайхан-Доланьгэ. -- Когда твой отец прогонит казаков, он отдаст тебя в награду Махметкулу за его храбрость... Старая Кюн-Арыг и теперь провожает тебя глазами, как свою молодость. У неё даже глаза слезятся от радости... Не забудь и меня позвать к себе на свадьбу.

-- Это будет, когда лёд на Иртыше загорится огнём, -- смеялась Лейле-Каныш.

Чем казалась веселее Сайхан-Доланьгэ днём, тем сильнее она убивалась и плакала ночью, -- молодое сердце чуяло беду. Шаманка Найдык напрасно уговаривала её -- шептала над ней свои заклинания и осыпала чудесной травой.

-- Твоя звезда счастливая, -- уверяла Найдык. -- И Кукджу тоже говорит, а он всё знает, столетний Кукджу... Он теперь с Махметкулом, как тень вокруг дерева. Кукджу сказал: необыкновенное счастье ждёт красавицу Сайхан, дочь Карачи, и ты можешь спать под его словами, как под крышей из камня.

Не всё говорила Найдык, что знала: обманывала она и себя, и Сайхан-Доланьгэ. Не счастье ждало красавицу, а кровавая беда... Раз

вечером, когда Найдык сидела перед кибиткой у огня, в степи показалось чёрное пятно. Все женщины встрепонулись, как спустившаяся на воду стая птиц, когда завидит лодку. Пятно росло и оказалось двумя лошадьми, которых вёл старый Кукджу. Между лошадьми была натянута белая кошма, а на кошме лежал раненый под Чувашьей горой батырь Махметкул. Сам Кукджу вынес его бездыханное тело из жестокой сечи и спас от погони одолевших врагов, -- он на берестяной остяцкой лодке перевёз его через Иртыш. На другом берегу столетний Кукджу хлопотал возле батыря, прикладывая целебные травы к его ранам, и читал свои заклинания, а потом перевёз в той же лодке назад. Три дня и три ночи шли лошади с драгоценной ношей, а Кукджу шёл впереди их и собирал новые травы. Махметкул, усыплённый питьём, лежал как мёртвый. Весь Наоболак выбежал навстречу к шаману, и женщины с воем окружили его. С криком упала на землю Кюн-Арыг, когда узнала, кто лежит в кошме.

-- Он будет жив, твой Махметкул, -- сказал Кукджу, отгоняя любопытных женщин. -- Он

искал смерти и не нашёл... Сотни матерей позавидуют твоему счастью, Кюн-Арыг.

Сайхан-Доланьгэ уступила свою кибитку батырю, и когда Махметкул очнулся, -- он узнал ковры с Карача-Куль. Заиграло в нём весело молодое сердце, и снова открылись страшные раны.

-- Вези меня в Искер... -- шептал батырь. -- Хочу умереть на его высоких стенах, а не в женской кибитке.

-- Умрёшь потом, когда придёт время, -- строго отвечал Кукджу и опять дал Махметкулу усыпляющего питья.

Так было нужно... Женщины не смели плакать, и только Кюн-Арыг неотступно сидела в кибитке сына, как птица над выпавшим из родного гнезда птенцом.

Не успели догореть огни у кибиток, как Наболак опять встревожился, -- вся степь точно застонала под конскими копытами. Заржали лошади, почуяв верховых; и скоро долетел первый топот ханских аргамаков. Это был сам хан Кучюм, бежавший из Искера как загнанный собаками старый волк. В Искере поселились казаки, а хану Кучюму осталась его

степь... Степь вспоила и вскормила хана Кучюма, и едет он по ней, низко опустив свою седую голову. Не слышит он ни призывного ржания коней, ни лая сторожевых собак, точно он сам остался в Искере, а вместо него на коне едет его тень. Не слышит он и провожающих его мурз и советников; за ним всё время неслась свита убитых им князей, мурз и степных батырей, под предводительством убитого сибирского хана Едигера и его брата, Бик-Булата... Неслышными шагами они старались обогнать его аргамака и загородить дорогу, но Кучюм точно просыпался и мчался вперёд, как бешеный. Только в виду Наоболака отстала от него эта немая свита, и хан Кучюм вдруг опустил в седле и изнемог. Лучше бы не видели его старые глаза этого проклятого дня, когда казаки овладели его сердцем -- Искером...

-- Хан Кучюм, мы приехали... -- говорил Чин-мурза, ехавший за ним вместе с Хан-Сейдом.

Спешились мурзы и сняли шапки, ожидая, когда сойдёт с седла хан, а он всё сидел и смотрел кругом, точно не понимал, куда они

приехали. Женщины не смели плакать, зады-
хаясь от горя. Когда к ханскому седлу подо-
шла Лелипак-Каныш, Кучюм опомнился.

-- Где Симбула? -- спросил он. -- Я не вижу Симбулы...

-- Она в кибитке, хан.

-- Лучше бы ей никогда не выходить из кибитки, чтобы не слышать о смерти брата, мурзы Булата... Много их там легло в Искере, и только недостаёт моей седой головы.

Кучюм заперся в своей кибитке с Хан-Сеидом и всю ночь не сомкнул глаз. Он то пла-
кал, то жаловался, то просил Хан-Сеида убить его, старого хана Кучюма, не умевшего остано-
вить своего сердца -- Искера. Хан-Сеид слушал его молча, а потом громко молился. Хан дико смотрел на него и всё прислушивался к тому, что делается в стойбище -- ни в одной кибитке не спали, потому что все или ухаживали за ранеными, или оплакивали убитых. Земля гу-
дела, как живая: это всё бежали со стороны Искера -- кто пеший, кто конный, и всё приво-
зили новых раненых. Чин-мурза распорядил-
ся, чтобы женщины не смели громко плакать и тем наводить уныние на живых, но Кучюм

послал сказать:

– - Пусть женщины плачут...

Дрогнула даже степь от жалобных криков горевавших женщин... Они рвали на себе волосы, царапали до крови лица и падали на землю, отнявшую у них отцов, братьев, мужей и сыновей. Убивалась и плакала ханша Симбула, которую водили под руки; плакали жёны мурз и простые татарки -- горе сравняло всех, как траву в степи равняет острая ко-
са.

V

Три женщины мучились в родах: схватилась одна за землю -- от неё произошли китайцы, другая схватилась за дерево -- родились русские, за конскую гриву схватилась третья -- и все ездящие на коне считают её своей матерью. От волка зачала эта третья, и волчья кровь осталась в степи. Поэтому не боится сердце джигита ни волчьих глаз, ни волчьего воя, а в буран оно веселится, как на празднике. У первой матери смирные дети -- не любят войны, у второй матери -- дети бьют

только чужих и чужое любят больше своего, а дети третьей матери страшны для всех -- не растёт трава, где они пройдут. Мир принадлежит им, едущим на коне... Но волчья кровь не знает покоя: когда нет войны с чужими -- бьются свои. Горько оплакивала эта третья мать и раненых, и убитых, и взятых в плен. Она всё была дома, в своей кибитке, а кровавое горе ходило бураном по степи из конца в конец.

Так было и теперь... Чужая беда радуется в Искере, а своя беда собирается в степи, -- молодой хан Сейдяк вышел из Бухары, молодой хан Сейдяк хочет докончить то, что оставалось ещё от казаков. Поднялась опять кость Тайбуги, и крепко задумались самые храбрые мурзы старого хана Кучюма.

-- О, пророк, да благословит бог Сеида и да приветствует! -- говорит хан Кучюм Хан-Сеиду, -- ты пришёл ко мне из Ургенджа, тебя послал бухарский хан Абдулла-хан... Зачем Абдулла-хан выпустил из Бухары молодого Сейдяка? Вместо одного врага, у меня теперь два... Это казакам на радость, когда две кости схватятся в степи.

-- Бог велик, хан Кучюм, а будущее неизвестно, -- отвечал Хан-Сеид. -- Вот ты жалуешься как женщина, которая умеет только прясть шерсть... Делай то, что делал: ты стоишь впереди всех. Не бойся ни молодого Сейдяка, ни ногайской орды -- у каждого своя дорога. Не всё ли равно: одна или две беды...

Опять ударили большие бубны, и собрались около Кучюма все большие люди -- князьки, мурзы, батыри; ударили малые бубны, и сбежались к Кучюму все, кто мог ездить на коне. Двойная беда удвоила силы старого хана; он даже забыл о красивых глазах Сайхан-Доланьгэ, которая больше не пела своих песен. Боевая стрела как молния, облетела самые дальние улусы и стойбища, вызывая всех в поле. Убьют казаки десять человек, а на их место выходят новых десять, как весенняя трава сменяет прошлогоднюю.

Долго не уходит степная зима; новый снег засыпает весенние проталины, а тронувшаяся днём вода застывает ночью. Но уже летят птицы с тёплого моря, заиграли речные верховья, и зелёным бархатом одела первая весенняя трава речные берега. Да, птицы летят

к оставленным гнёздам, на знакомые стойбища, и по небу вместе с ними несётся весёлый крик. Только хан Кучюм не вернётся больше на старое гнездо, на высокий берег Иртыша, где красуется Искер. и его сердце стонет, как выбившаяся из сил перелётная птица.

-- Кто померяется силой с Ермаком? -- спрашивает хан Кучюм.

Мурзы, князьки и батыри только переглядывались, а отвечал один батырь Махметкул, только что оправившийся после тяжёлых ран:

-- Я убью Ермака, хан Кучюм... Только бы мне выманить его из Искера в чистое поле.

-- У тебя храброе сердце Махметкул, -- отвечает хан Кучюм, -- но Ермак старше тебя, а когда старый коршун спит сытый на высоком дереве, коршунята ещё голодают...

Обидное слово только разожгло ещё больше Махметкула, а на старого хана сердиться не стоило. Два светлых глаза посылали батыря туда, откуда немногие возвращаются.

-- Я выйду замуж за того, кто убьёт Ермака, -- говорила Сайхан-Доланьгэ. -- Убьёт старый человек -- он помолодеет со мной, убьёт

молодой -- будем радоваться. Храбрейшему из храбрых моя красота будет наградой...

Махметкул уже наперёд видел красавицу своей, потому что кто же храбрее его от студёного моря до тёплого? Только столетний шаман Кукджу качал своей головой: девичьи слова, как зелёные листья на дереве -- сегодня выросли, завтра опали, а Ермака не возьмёт ни сабля, ни стрела. В железо заковано его сердце...

Как молодой лев один выходит по ночам на добычу, так отделился от остального татарского войска батырь Махметкул. Он ушёл на реку Вагай с небольшим отрядом и там хотел выждать Ермака. Развеселилась и ты, маленькая речка Вагай, разлилась от весенней воды и вышла из берегов, а каждая твоя капля тянулась к большому Иртышу, как маленькое горе к большому. Мутна вода в Вагае, хитрые мысли в голове старого атамана Ермака, который засел в Искере, как травленный зверь. В тёмную ночь это было, как накрыли казаки на Вагае татарскую славу. Горько застонала старая Кюн-Арыг, когда узнала о всём случившемся на Вагае. По стойбищам, улусам, зимо-

вьям и аулам стрелой разнеслась печальная весть, но женщины не будут петь славу Махметкула... Лучше было Махметкулу умереть у бабасанских юрт или под Искером, а не попасть живому в руки казаков. Утонула слава батыря Махметкула в далёкой Москве.

-- Для чего я мучилась, когда родила Махметкула? -- повторяла неутешная Кюн-Арыг, обезумевшая от горя. -- Для чего я плакала целые дни и ночи, когда он волком ходил за Камень? Зачем я лечила его глубокие раны, от которых ему лучше было бы умереть у меня на руках?

Вместе с неутешной матерью плакали все другие женщины, -- всем им было жаль Махметкула, как свою кровь.

-- Я его считала своим сыном, -- говорила Лелипак-Каныш, ухаживавшая за Кюн-Арыг, как сестра. -- Твоё горе -- моё горе, Кюн-Арыг. Вот и Лейле-Каныш убивается, как не плакала о родных братьях, и Сайхан-Доланьгэ... Мы, старухи, теряем только сыновей, а наши девушки теряют всё.

Кюн-Арыг не понимала ласковых слов Лелипак-Каныш. Она походила на старое боль-

шое дерево, разбитое грозой: ещё остались ветви с зелёными листьями, но нет в нём больше жизни. Она даже не плакала, как другие женщины, а только стонала. Мужчинам было стыдно слушать эти стоны, особенно когда Кюн-Арыг начинала упрекать.

-- Один был храбрый из батырей -- и вот он в позорном плену! -- кричала старуха, бегая по стойбищу с распущенными волосами. -- Кто же защитит его? Кто выручит из неволи?.. О, будьте вы все прокляты, те трусы, которые продали моего сына... Я сама пойду к атаману Ермаку и скажу: "это я, мать Махметкула, пришла к тебе... В степи нет храбрых, а только робкие женщины. Отдай мне сына, отдай Махметкула... Если бы я была богата, я заплатила бы тебе золотом; если бы я была молода -- своей красотой; а теперь я старуха и могу только плакать".

Обидно было слушать эти горькие слова всем, но никто не решился унять обезумевшую от горя Кюн-Арыг. Хмурится старый хан Кучюм: слова старухи впивались в его сердце как стрелы; хмурятся старые мурзы и батыри, и думает за всех один Карача, у которого в го-

лове мысли бегали, как лисицы в норе, когда их подкуривают дымом. Старый Карача знал, что Ермак не будет держать Махметкула в Искере, а отправит поскорее в Москву, -- слишком дорогую добычу не держат дома. Так оно и вышло: Махметкула увели в московскую неволю по той дороге, по которой он ещё недавно ходил весенней грозой за Камень. Затихла степь, затих Искер. Обе стороны собирались с силами, чтобы продолжать войну. Ермак ждал атамана Кольцо, посланного в Москву с повинной к белому царю. Только осенью вернулся Кольцо и привёз милостивое царское слово казакам, а Ермаку -- шубу с царского плеча да тяжёлую кольчугу. Веселится Ермак в Искере, веселятся с ним все казаки, а беда уже пришла к самому Искеру, пришла с покорным словом и ласково смотрит прямо в глаза. Говорит Ермаку посол мурзы Карачи:

-- Было царство сибирское и владел им хан Кучюм, а теперь владеет Белый царь. Не стало силы в степи, изнемогли татары, а наши враги-ногаи разоряют наши степные аулы. Возьми нас, Ермак, под свою защиту и

пришли казаков, чтобы побили ногаев. Мы честно бились, а ногаи -- разбойники, которые грабят убитых или беззащитных женщин.

Не обманул бы мурза Карача хитрым словом, но ослепила Ермака покорность. Поверил он беде Карачи и послал ему на выручку своего лучшего атамана Кольцо с казаками; сам послал, чтобы больше не видеть его. Как весной оплакивал хан Кучюм своего лучшего батыря Махметкула, так осенью Ермак заплакал по лучшем своём атамане, попавшем в хитрую западню. Нет жалости в сердце Карачи, и зарезал он Кольцо и всех посланных с ним казаков, а голову атамана послал неутешной Кюн-Арыг.

VI

Чёрной тучей облегла беда со всех сторон сибирского хана Кучюма: он потерял ханство, столицу Искер, двух сыновей, и последний свет из глаз выкатился у хана Кучюма.

-- Глаза не будут больше тебя обманывать и не будут искать новых красавиц, -- корит

его ханша Лелипак-Каныш. -- Услышал Бог мои старые слёзы...

Ничего не мог ответить жене старый хан, да и что мог сказать человек, которого водили под руки? Но чем больше была беда, тем сильнее становился старый хан Кучюм: и слепой он нагонял страх на казаков и ногаев с Сейдяком. Оставались у него ещё мурзы и советники, которые исполняли ханские слова. Своими слепыми глазами он видел тайные замыслы своих лучших советников и молчал. Первый захотел изменить ему мурза Карача, убивший двух казацких атаманов. Счастье отуманило голову старого мурзы, и он замыслил один взять Искер. Набрал он бродивших по степи татар из разорённых улусов, пригласил киргизов и ногаев и с этой силой обложил Искер. Мало казаков в Искере, а помощь далеко, -- этим и хотел воспользоваться хитрый мурза. Главный стан у Карачи был под Сауксаном, и весной он запер Ермака в Искере, как медведя в каменной берлоге. Мало казаков, и нельзя им выйти из города, а Карача захватил все дороги и хвастается: "голодом заморю московских батырей... Сами придут с

повинной ко мне в Сауксан".

Месяц стоит мурза Карача под Искером, стоит второй, и третий стоит, а всё держатся казаки. Посылает Кучюм сказать мурзе Караче, чтобы не тратил напрасно времени и поберёг татарскую силу, но далеко зашёл старый Карача, чтобы идти ему с повинной к хану Кучюму. Тесно им двоим в степи... Нет пощады у хана Кучюма, нет пощады и у мурзы Карачи. Пусть пока хан Кучюм воюет с ногаями, а мурза Карача успеет в это время отнять у казаков Искер. Хан Кучюм стар и слеп; сын Едигера, хан Сейдяк, ещё молод, а мурза Карача сам будет сибирским ханом. Так думал мурза Карача, сидя в Сауксане, а Ермак отсиживался в Искере. Хитрее Ермак хитрого татарского мурзы и ждёт только тёмной летней ночи... Два атамана остались у Ермака: Мещеряк да Брызга, как два глаза. Когда наступила тёмная ночь, тихо вышли казаки из Искера, прокрались в татарский стан и начали жестокую сечу. Это был атаман Мещеряк, а сам Ермак оставался в Искере. Сонные татары не узнавали друг друга и бросились бежать. Напрасно сам Карача с двумя своими сыновья-

ми бросился вперёд на казаков -- татары бежали, как зайцы. Бежал и сам мурза Карача, оставив сыновей убитыми под Искером.

Как бешеный, несётся в степи мурза Карача, и всё ему кажется, что за ним погоня. Слезет с коня, припадёт ухом к земле, а под землёй -- глухой стон и конский топот... Опять летит Карача, опять прислушивается: тот же топот и тот же стон, и с каждым разом всё ближе и ближе. Нет спасенья старому Караче, если вовремя не доберётся он до ногаев. Молодой хан Сейдяк примет его с радостью, а старый хан Кучюм зарежет как старую собаку. Нет конца-края степи, и загнал Карача уже двух лошадей, -- осталась последняя, третья, и, если она не вынесет, -- пропало всё. Мурза Карача чувствует, что и голова как будто уж не его и готова сама отделиться от туловища. Был день или стояла ночь -- мурза не различал. Два дня и две ночи несётся он в степи. Третья лошадь стала задыхаться -- это пришёл конец хитрому Караче. Но всё-таки едет он всё вперёд и видит: точно из под земли вырос перед ним всадник. Ближе -- всадник больше и машет ему копьём. Это сторожевой

Кучюма, поставленный ловить его. Пригнулся Карача к седлу, вытянул пику и понёсся вперёд на всадника: всё равно умирать... Но что это значит: всадник бросил своё копье на землю и спокойно ждёт его. Приостановил своего скакуна мурза Карача и узнал самого Хан-Сеида. Да, это был он, святой старик, с своей белой бородой.

— Куда ты бежишь, Карача? — говорит Хан-Сеид. — Остановись... Ты налетишь на Кучюма и несдобровать твоей голове.

Опустились руки у Карачи: он ехал к ногам, а попал на Кучюма. Обманули его свои собственные глаза, обманула неоглядная степь... Слезает Карача с коня, бросает свою пику на землю и говорит:

— Некуда мне больше бежать, Хан-Сеид... Веди меня к Кучюму, пусть он снимет с меня голову: не нужна она мне.

— У хана Кучюма такое же безжалостное сердце, как и у тебя, — говорит Хан-Сеид. — Ты — кремень, он — сталь, а когда ударят сталь о кремень, то полетят искры...

Не слушает ничего мурза Карача, а пал на землю и говорит:

-- Дети мои, дети... где мои сыновья? Хан-Сеид, два сына были у меня, а теперь я один... Один я, Хан-Сеид, и пусть хан Кучюм лучше зарежет меня, как барана.

-- Так было нужно, мурза Карача, кость Тайбуги, -- отвечал с печалью Хан-Сеид. -- Но ты забыл о дочери, забыл о красавице Сайхан-Доланьгэ...

Засмеялся мурза Карача... Что он будет делать с красавицей дочерью, когда у него ничего нет?.. Первый встречный возьмёт его дочь, красавицу Сайхан-Доланьгэ, уведёт пленницей в Бухару и продаст Абдулле-хану в невольницы, -- вот что значит дочь... Слепой Кучюм уж не думает о красавицах, а батырь Махметкул в московской неволе, -- для чего ему Сайхан-Доланьгэ?.. Трава в поле -- вот что такое дочь; вешний лёд на реке -- вот что такое дочь. Было у него два сына, а теперь он один, как старый пенёк в лесу! Лежит мурза Карача на земле, лежит и громко стонет, как слабая женщина, как ребёнок, потерявший мать.

-- Ты забыл, что твоя Сайхан-Доланьгэ в руках Кучюма, -- говорил Хан-Сеид. -- Она те-

перь его пленница...

— - Моя дочь? Ты говоришь о Кучюме, который для неё забыл свою седую бороду?.. Что же, пусть берёт её силой. Я ему давно это говорил. Но хан добивается того, чего нельзя сделать против желания: Сайхан никогда не полюбит его. Да и смешно думать об этом дряхлому и слепому старику...

— - Ты ничего не понимаешь, мурза!

— - Убей меня, Хан-Сеид -- мне некуда идти... Не всё ли равно, кто меня зарежет: хан Кучюм или ногай.

Ночью провёл Хан-Сеид упавшего духом Карачу в стан Кучюма и спрятал в кибитке Сайхан-Доланьгэ.

— - Пока сиди здесь, а там увидим... -- сказал Хан-Сеид.

С удивлением смотрел кругом мурза Карача: и сам он ещё жив, и сидит в кибитке своей дочери Сайхан-Доланьгэ. Впрочем, у него только и оставалось на свете, что светлые глаза этой красавицы, а всё остальное точно развеяно по ветру.

Старая ханша Лелипак-Каныш попрекает слепого хана Кучюма:

— Что ты всё лежишь, Кучюм, и нейдешь проведать любимого своего мурзу и советника Карачу: он всегда обманывал тебя как твои насытые глаза... Карача выискивал тебе новых наложниц, он тебе доставил и красавицу Симбулу, и другую красавицу Сузгэ, и готовил тебе третью, свою родную дочь. Иди утешь своего верного слугу, который хотел вместо тебя сесть ханом в Искере... Иди утешь Сайхан-Доланьгэ, которая всё ещё не может оплакать уведённого в плен Махметкула. Все тебя покинут, хан Кучюм, и останусь около тебя одна я, как застарелая болезнь, как вторая твоя слепота... Что же ты молчишь, хан Кучюм?

— Ты говоришь правду, Лелипак-Каныш, — отвечал хан Кучюм, качая головой. — Твой язык как степная колючая трава колет мои слепые глаза. Мне было бы легче, если бы ты говорила неправду.

— Бог тебя наказал за мои слёзы, хан Кучюм... Да разве я одна плакала от твоей же-

лезной руки? Сколько матерей осиротил ты, сколько молодых женщин осталось вдовами; и старики, и дети проклинаят твоё имя, которое носилось по степи как ядовитая зараза... Я тебя проклинаяю, хан Кучюм; проклинаяю за свою материнскую кровь, за Арслан-султана, которого ты послал в московскую неволю, за двух других сыновей, убитых под Искером.

Молчит хан Кучюм, трясётся его седая голова, а слепые глаза не видят старой ханши, которая в неистовстве поносит мужа всякими худыми словами. И земля, и небо закрыты для старого хана Кучюма, а осталось одно чёрное горе...

Старики не слышали, как в кибитку вошёл Хан-Сеид и был свидетелем ссоры. Он выслушал всё, опустив свои святые глаза, а потом взял слепого хана Кучюма за руку и вывел из кибитки. Старая ханша сидела на земле и, припав седой головой к коленям, горько плакала. В кибитку опять вошёл Хан-Сеид и сказал:

— Лелипак-Каныш, дочь Шигай, я всё слышал. Слышал и то, чего не сказал твой язык, и скажу тебе то, что чует твоё материнское

сердце.

Но, прежде чем говорить, Хан-Сеид опять замолчал, чтобы старая ханша вперёд выплакала своё горе. Пока она плакала и жаловалась, святой старик молился, подняв руки кверху. Много женщин плакало по татарским улусам, стойбищам и аулам, и всем им было тяжело.

— Я слушаю, Хан-Сеид, — говорила Лелипак-Каныш, не вытирая катившихся по сморщенному лицу слёз.

— Слушай, дочь Шигай-хана... Не я тебе говорю, а говорит пророк. Томится в неволе твой сын Арслан-султан, а другая неволя уже готова Абдул-Хаиру. Так нужно, Лелипак-Каныш! Ты стоишь впереди всех, и твоё горе бежит впереди всех. Два сына у тебя убито под Искером, будет твой последний сын, красавец Алей, ханом в Искере, но ты будешь оплакивать его голову. Старый хан Кучюм будет счастлив, что не увидит своими слепыми глазами последнего горя... Три сына убитых, два в неволе, а ты стара, Лелипак-Каныш, и твоё сердце затворилось давно. Ты, дочь Шигай-хана, как великая река Обь, покрытая льдом.

Вот, что я скажу тебе ханша, потому что так нужно... Гордилась ты своими пятью сыновьями, а останется одно твоё старое горе, и твоё сердце заплачет кровавыми слезами. Да, заплачет мать, а ханша будет радоваться: великая радость умереть за родину... Такая кровь пролилась за святое дело. Вот что я тебе говорю, дочь Шигай-хана, и укрепится твоё сердце до конца: оно крепче Искера. Твоя весна улетела, и твои глаза не увидят новых сыновей, а хан Кучюм останется без племени. Кто будет продолжать его волчью кость? Когда Кучюм умрёт, кто выйдет в поле против врагов? Слушай, дочь Шигай-хана: ты смеялась над красавицей Сайхан-Доланьгэ, а теперь пойдёшь к ней и попросишь -- заменить её красотой твою старость. Разгорится сердце хана Кучюма и продолжится его волчья кость... Оставь свою гордость, Лелипак-Каныш: ты стоишь впереди всех, и твоё горе бежит впереди всех.

Пала на землю ханша Лелипак-Каныш, как подрубленное дерево, и долго лежала она как мёртвая, а святой старик опять молился, подняв руки кверху. Наступила ночь, когда она

очнулась и сказала:

— Хан-Сеид, ты здесь? Веди меня к Сайхан-Доланьгэ... Я хочу её видеть.

Собрала последние силы старая ханша и пошла за Хан-Сеидом. Встречавшиеся давали им дорогу, а у кибитки Сайхан-Доланьгэ встретил их старый шаман Кукджу и шаманка Найдык. Побледнела красавица Сайхан-Доланьгэ, когда к ней в кибитку вошла старая ханша Лелипак-Каныш и посмотрела на неё заплаканными глазами.

— Здравствуй, Сайхан-Доланьгэ, -- сказала ханша. -- Видишь, я пришла к тебе... Пусть мужчины уйдут, я хочу говорить с тобой.

Ещё сильнее побледнела Сайхан-Доланьгэ, когда они остались в кибитке вдвоём. Долго молчала Лелипак-Каныш и всё смотрела на Сайхан-Доланьгэ.

— Что ты так смотришь на меня, ханша? -- спросила смущённая Сайхан-Доланьгэ. -- Я боюсь тебя.

— Любуюсь твоей красотой, Сайхан-Доланьгэ; любуюсь твоей молодостью и точно вижу себя, когда я была молода и красива. Себя я вижу в тебе, красавица! Раньше я ненавиде-

ла тебя, когда хан Кучюм ездил веселиться на Карача-Куль; раньше я желала тебе всякого зла и радовалась, когда твоё сердце заплакало о батыре Махметкуле. Да, всё это было, а теперь гордая, старая ханша пришла сама к красавице Сайхан-Доланьгэ. Тебя ненавидела же-на хана Кучюма, а старая бездетная ханша пришла со слезами просить -- заменить её старость.

Побледнела Сайхан-Доланьгэ как сорванный цветок, а Лелипак-Каныш всё говорила, говорила то, что ей сказал святой Хан-Сеид.

-- Лучше мне умереть... -- шептала Сайхан-Доланьгэ, закрывая свои бархатные глаза. -- Я никогда не любила старого хана Кучюма, а слепого старика ненавижу! Это падаль, которую не будет есть даже собаки... Я ненавижу и тебя, Лелипак-Каныш! Ты как холодная змея заползла в мою кибитку!.. Не достанется никому моя красота, так скажи и Хану-Сеиду. Не хочу я даже видеть слепого старика и лучше умру девушкой.

Степная ночь раскинулась синим, расшитым золотом шатром над стойбищем хана Кучюма. Громко рыдает в своей кибитке Сай-

хан-Доланьгэ, а у входа в кибитку стоят Хан-Сеид и шаман Кукджу. Старики долго шепчутся и ждут, когда выйдет Найдык и скажет, что можно видеть Сайхан-Доланьгэ. Плывёт по небу молодой месяц, где-то далеко кричит ночная птица, а Сайхан-Доланьгэ всё плачет... Вышла и Найдык и поманила рукой Кукджу, - две тени вошли в кибитку. Столетний Кукджу наклонился над красавицей Сайхан-Доланьгэ и шепчет ей:

— - Смотри на меня, красавица, пристально смотри и увидишь великое чудо.

Страшно стало Сайхан-Доланьгэ, но она не может оторвать своих бархатных глаз от лица Кукджу. Ах, какое старое-старое это лицо, покрытое такими глубокими морщинами, точно земля, растрескавшаяся в засуху. Заросло оно всё волосами, как жёлтым мхом, и только светятся одни глаза. Смотрит Сайхан-Доланьгэ, и смотрит на неё Кукджу, а синие губы шамана беззвучно шевелятся -- он шепчет свои заклинания. Чувствует Сайхан-Доланьгэ, что ей легче и что горе неслышно отлетело от неё. Всё шепчет Кукджу и ещё пристальнее смотрит на красавицу, а Сай-

хан-Доланьгэ видит себя уже матерью. Два ребёнка сына смотрят в неё глазами хана Кучюма. И страшно, и хорошо делается Сайхан-Доланьгэ, и чувствует она, что любит старого хана, любит в своих детях, в которых проснулась кость старого хана Ибака.

— - Мне хорошо, — шепчет Сайхан-Доланьгэ и не может очнуться от чудного сна.

А старый шаман Кукджу всё шепчет и протягивает свои костлявые, узловатые руки над головой Сайхан-Доланьгэ, точно столетнее дерево простирает свои ветви над молодой зелёной травкой.

— - Ты полюбишь старого хана Кучюма, как не любила бы никогда десять лучших батырей, — шепчет Кукджу. — Смотри, что будет дальше...

Степь. Трава точно вспрыснута драгоценными камнями. Вольная степная птица серебром развивается в воздухе. По степи медленно движется разбившееся кучками татарское войско, а там вдали пылают русские сёла и столбы дыма показывают кровавый след уходящего войска. Много русских пленников ведут татарские батыря; от богатой добычи не

могут идти кони, а впереди всех едет старик с бубном и громко поёт славу старого хана Кучюма и его молодых сыновей-Кучюмовичей. Бьёт в бубен старик и поёт про молодую ханшу Сайхан-Доланьгэ, красота которой цветёт в её сыновьях, и о которой поют в святой Бухаре, как о лучшей степной звезде, осветившей очи старого хана Кучюма. Проснулась кость хана Ибака, как зерно, брошенное осенью в сырую землю...

Видит свой сон Сайхан-Доланьгэ, сладко дышит её молодая грудь, и не может она проснуться, а Хан-Сеид вводит в палатку слепого хана Кучюма, который руками ищет потерянную глазами красоту.

-- Я тебя люблю, Кучюм... -- шепчет Сайхан-Доланьгэ, просыпаясь.

VIII

Степью идёт молодой хан Сейдяк, сын Едигера; за ним несётся свежее ногайское войско, -- в высоких сёдлах скачут ногаи, союзники Сейдяка, машут длинными копьями, и жаждут добычи. Пройдёт в степи тысяча ногаев, а

след как от десяти всадников, -- так ездят ногаи, заклятые враги слепого хана Кучюма, точно волчья стая. Молодым орлом несётся хан Сейдяк, хочет он нагнать слепого хана Кучюма и отмстить ему за смерть отца и дяди. Вместе с жизнью отнимет Сейдяк и все награбленные Кучюмом сокровища, и ханских жён, -- и уведёт в неволю, как простую пленницу, ханскую дочь, красавицу Лейле-Каныш. Зорки глаза у ногаев как у ястребов, волчье чутьё у них, а слепой хан Кучюм хитрее их: он то впереди их, то позади. Не свою седую голову бережёт старый хан Кучюм, а молодое сокровище -- Сайхан-Долангэ.

Горе тёмным лесом обступило Кучюма, а его сердце радуется -- и днём радуется, и ночью радуется. Пока хан Сейдяк гонялся за ним по степи, старый Кучюм подступал уже к Искеру. Немного войска оставалось с Кучюмом, а того меньше засело в Искере казаков. Посылает хан Кучюм разведчиков каждую ночь и ждёт своей добычи. Матёрый атаман Ермак не знает, кого ему больше бояться -- старого хана Кучюма или молодого Сейдяка. Мало казаков в Искере, перебиты атамань, остаётся

атаман сам-друг с Мещеряком. Засели два атамана в Искере как два глаза во лбу и зорко смотрят на немирную татарскую сторону, где, как ветер по степи, гуляет чужая беда.

-- Нужно выманить московского медведя из берлоги, -- говорит мурза Карача хану Кучюму. -- Не взять его нам в Искере.

-- Вымани, если умеешь, -- отвечает слепой Кучюм. -- Ты умеешь обманывать... Ты у меня в долгу, Карача.

Проглотил старый Карача эту обиду и крепко задумался. Под Искером у него казаки убили двух сыновей, а сам он бежал тогда от Ермака, как заяц. Нужно смыть свой позор, а то стыдно смотреть в глаза Сайхан-Доланьгэ. Молодая ханша не должна стыдиться своего отца. Обманул старый Карача атамана Кольцо, обманет и Ермака. Тогда он просил у Ермака защиты против ногаев, а теперь надо просить защиты от хана Кучюма. Сидит атаман Ермак в Искере, а смерть сама пришла к нему и говорит:

-- Нет тебя храбрее, атаман Ермак... Защити нас, бухарских купцов от слепого хана Кучюма, который не пропускает наш караван

с дорогими товарами. Мы идём в Искер...

Бухарским купцом нарядился мурза Карача и бесстрашно пришёл к Ермаку в Искер. Сгорбился хитрый мурза, и не узнал его атаман Ермак. Отуманил железную казацкую голову мурза Карача сладким ядом своих хитрых слов.

-- А где ваш караван? -- спрашивал Ермак, рассчитывая, что лучше сам ограбит его.

-- На Иртыше стоит караван, недалеко от Вагая...

Задумался Ермак при одном имени Вагая, -- унесла эта река у него двух лучших атаманов.

-- Ты меня обманываешь! -- закричал Ермак. -- Меня уж раз обманул проклятый Карача, когда просил помощи против ногаев... И ты тоже зовёшь меня на Вагай, где убит Кольцо! Я велю тебя повесить...

-- Мне всё равно, кто меня ни повесит: ты или хан Кучюм, -- отвечал неустрашимый мурза Карача. -- Если уж ты боишься Карачи, так мне нечего бояться смерти...

-- Хорошо, я тебе доставлю удовольствие: если ты меня обманываешь, то я тебя повешу

рядом с проклятым Карачей...

Собрался в поход сам Ермак, а мурза Карача ведёт его к своим в засаду. Вместе они едят и пьют, вместе спят, а мысли разные. Стережёт Ермак бухарского купца, как свой глаз, и не знает, что это его смерть. Так они пришли к устью Вагая, и выкинул ночью Ермак стан на острове. Бурлит Иртыш от осенних дождей, пенится вода в Вагае, а мурза Карача ждёт своего часа. Устали казаки, полегли спать, -- не спит один мурза Карача. Как змея, выполз он с острова, рыбой переплыл через реку, а на берегу уже ждут его улусники и ба-тыри.

-- Теперь можно, -- сказал Карача. -- Я привёл вам Ермака.

Шумит Иртыш, пенится Вагай, крепко спят казаки, а через реку на остров в брод переходят татары. Ведёт их сам мурза Карача, бесстрашный старик. Темно на острове как в могиле, а татарские сабли нашли казацкие головы и напились горячей казацкой крови досыта. Обезумели спросонья казаки, когда началась сеча, а Ермак один рубит татар... Впереди всех бьётся казацкий атаман, и валятся

кругом него татары; мало казаков и никто не откликается на атаманский голос -- одни лежат мёртвые, другие бросились в воду и утонули. К самому берегу прижали татары казацкого атамана, но он не сдался им живым, а бросился в Иртыш, как был, в кованой железной московской кольчуге, которую ему послал из Москвы царь в подарок. Тяжела была царская милость вольному казацкому атаману, и пошёл он ко дну как брошенный в воду дорогой камень. Утонул в Иртыше атаман Ермак; казаки все были перебиты, и только один вернулся в Искер, чтобы передать страшную весть. Три дня и три ночи татары искали утонувшего Ермака в Иртыше и боялись радоваться. Не верил слепой Кучюм, что погиб его заклятый враг. Только на четвёртый день Иртыш отдал тело казацкого атамана, и заплакали слепые глаза хана Кучюма от радости. Три дня и три ночи веселились татары около мёртвого Ермака... Женщины приходили издалека, чтобы на мёртвом выместить смерть своих близких. Один Карача сидел печальный и не радовался: мёртвый Ермак не воротил ему убитых под Искером сы-

новой. Седая голова давила уже плечи старого мурзы. Когда хан Кучюм хотел его наградить, Карача ответил:

-- Не нужно мне награды, хан Кучюм... Пусть радуется за меня Сайхан-Доланьгэ. Ей теперь не будет стыдно за отца...

И Сайхан-Доланьгэ радовалась, позванная ханским золотом. Она любила своего слепого старого волка, а хан Кучюм нашёл в ней потерянный из глаз свет. Когда татары радовались смерти Ермака, столетний шаман Кукджу молчал и только качал головой: не татары и не хан Кучюм победили атамана, а победил его Иртыш, буйный сын святой Оби.

-- Сердится Иртыш, -- бормотал Кукджу, -- много крови пролито в Иртыш...

Слушала старика одна шаманка Найдык, которая по-прежнему оставалась при красавице Сайхан-Доланьгэ.

Взять Искер, после смерти Ермака, ничего не стоило, -- казаки ушли за Камень, откуда пришли. Великая была радость, когда татары вступили в родной Искер, и только один хан Кучюм не мог видеть своими слепыми глазами того, что потерял зрячим. Слава о хане

Кучюме пронеслась по всей степи, а из Ургенджа уже идут послы от сеида Али-Ходжи: они везут богатые дары красавице Лейле-Каныш.

— Берите её, если она вам нравится, — сказал старый хан Кучюм послам. — Одна у меня дочь... Так и скажите сеиду Али-Ходже.

По царски снарядили красавицу Лейле-Каныш, а провожать её в Ургендж отправилась сама Лелипак-Каныш: ханской кости Лейле-Каныш, и нельзя её отправить в Ургендж одну как привозят невольниц. Тяжело расставаться старой ханше с Искером, где она видела свои короткие радости, но не разделить сердце надвое, а о сыновьях она уже довольно плакала. Два сына оставались у неё: красавец Алей и Абдул-Хаир, и оба желали провожать мать и сестру в Ургендж, но старый хан Кучюм сказал красавцу Алею:

— Ты останешься в Искере, а я пойду в степь навстречу Сейдяку... Ты ещё молод, а ноги хитры. Береги пока Искер, а я провожу Лейле-Каныш... Далеко Ургендж, чужие люди в Ургендже, а у меня одна дочь.

Тяжело было расставаться старому хану Кучюму не с дочерью, а с старой ханшей Ле-

липак-Каныш, которая уходила от него навсегда. Много раз и напрасно обижал хан старую ханшу, и теперь мучила его совесть. Ушёл старый хан Кучюм в степь, а красавец Алей заперся в Искере. Лучшее войско ушло с ханом Кучюмом, а ногаи только этого и ждали: в одну ночь обложили они Искер, как выпадает осенний снег.

Страшное дело началось, хуже того, когда сидели в Искере казаки: с обеих сторон полилась своя татарская кровь, а свой враг не знает пощады!.. Далеко ушёл в степь слепой хан Кучюм, не чует его волчье сердце неминуемой беды, которая облегла Искер. Побледнел Алей, когда смерть прилетела к нему на конце тонкой ногайской стрелы и впилась в молодое сердце. Бежали татары, заняли Искер ногаи с Сейдяком, а слепой Кучюм ищет их далеко в степи...

IX

Молодой месяц на небе, молодой хан Сейдяк в Искере, а в степи, как зимний буран, ходит слепой хан Кучюм с своими мурзами, со-

ветниками и жёнами. Двух сыновей хана Кучюма убил атаман Ермак; красавца Алея убил хан Сейдяк; четвёртый сын Арслан-султан в московской неволе, -- оставался пятый, последний сын Абдул-Хаир как зеница ока, да три молодых жены, все три красавицы. Всех их любит старый хан, а всех больше самую младшую Сайхан-Доланьгэ, как свою молодость, как потерянный свет своих ханских глаз. Побиты два сына у мурзы Карачи, отведён в полон богатырь Махметкул, а ещё много силы у слепого хана Кучюма -- целое орлиное гнездо он водит с собой по степи.

-- Погоди, хан, не трогай сейчас Сейдяка, -- советовал мурза Карача слепому хану Кучюму. -- Войной с ногами мы не вернём убитого Алея, а придут казаки и Сейдяк не рад будет, что забрался в Искер... Зачем нам проливать кровь напрасно?

Предсказания мурзы Карачи всегда сбывались как худые сны, -- хитрый старик отлично видел чужие глупости и только не знал о своей голове, что её ждёт впереди. Сказал мурза Карача своё слово хану Кучюму, а на Тавде уже показались казаки. Шли москов-

ские воеводы, а дорогу показывал последний из ермаковых атаманов -- Мещеряк. Широкая эта была дорога, по которой хаживал за Камень батырь Махметкул, а потом пришёл Ермак; холодной слезой пролилась она с Камня по дремучим лесам в зелёную степь и необъятное сибирское приволье. Плывут воеводы уже к Иртышу, а молодой Сейдяк окапывается в Искере как забравшийся в широкую барсучью нору крот. Идёт московская беда на ногаев, радуется волчье сердце Кучюма... Радует это сердце и плачет за напрасную кровь, которая пролита в междоусобной войне между татарами. Дети одной матери-степи враждуют и отдают её на поругание врагу. Но нет примирения между костью Тайбути и костью Ибака как между волком и собакой, и только кровь их льётся вместе... Так думал слепой хан Кучюм, сын Муртазы, внук Ибака, и кровавыми слезами кипело его ханское сердце. Закрылся тучами месяц на небе, облегли казаки высокий Искер, а старый атаман Мещеряк рыщет кругом как поднятый из берлоги медведь. Не боятся ногаи московских воевод, а Мещеряка, в котором нет жалости. Выходит

и заходит над Искером солнце, шумит и стоит Иртыш, поют ногайские стрелы, а Кучюм стоит в степи у озера Чили-Куль и ждёт, когда казаки выгонят из Искера молодого хана Сейдяка. Недаром мучилась в родах Тэс-Удуль, жена убитого Кучюмом хана Едигера: храбро отбивается молодой Сейдяк от наступающего врага... Но плохое счастье у молодого хана Сейдяка, -- он как волчонок, попавший лапой в капкан, не рад и своей молодой храбрости. Даже святой Хан-Сеид пожалел храброго Сейдяка и сказал хану Кучюму:

-- Хан Кучюм, помоги Сейдяку... Ты ударишь на московских воевод с тылу, а Сейдяк выйдет на них из Искера. Попадут казаки между двух огней...

-- Не могу, Хан-Сеид, -- отвечал хан Кучюм, опуская свою седую голову. -- Кровь между нами стоит... Когда московские воеводы выгонят Сейдяка из Искера, тогда и я ударю на казаков. А кость Ибака никогда не срастётся с костью Тайбути...

Удивили хана Кучюма слова Хан-Сеида, а также и то, что его собственные советники промолчали. Неужели он, слепой старик,

останется один в степи?.. Пусть будет так как будет, а он, слепой хан Кучюм, не помирится ни с ногаями, ни с казаками. Под Искером кипит жестокая сеча: бьются московские воеводы с Сейдяком, и льётся казацкая кровь вместе с ногайской. Но изнемогли ногаи, ворвались в Искер казаки, -- и попал в плен молодой Сейдяк, как орлёнок с подбитым крылом. Ушли ногаи в свою степь, а московские воеводы недосчитались головы последнего атамана Мещеряка...

-- Теперь наша очередь, -- говорит мурза Карача. -- В Искере нам не взять казаков, а выманим их в степь...

Смелее голодного волка мурза Карача. С небольшим отрядом он идёт прямо под Искер и задирает отдыхающих казаков. Но крепко засели московские воеводы в Искере и не поддаются хитрости Карачи. Ждёт слепой Кучюм у озера Чили-Куль месяц, ждёт другой, а мурза Карача всё ещё не показывается.

-- Себя обманет Карача, -- ворчит столетний Кукджу, -- Москва хитрит...

Каждый день рано утром выходит столетний Кукджу далеко в степь, припадает к зем-

ле ухом и слушает: под землёй слышит он знакомый стон -- это жалуется буйный Иртыш. Нехороший знак, но Кукджу молчит, чтобы не смущать напрасно храбрых. Ещё будет пролито много крови -- и чужой, и своей. А слепой хан Кучюм горит нетерпением помериться силой с московскими воеводами... Около него все три жены и жёны его мурз и улусников: храбрее будут биться татары, чтобы не отдать казакам самого дорогого.

-- Эй, вы, московские вороны! -- кричит мурза Карача, гарцуя под Искером на своём лучшем иноходце. -- Забрались в чужое гнездо и носу показать не смееете... Выходите. храбрецы, в поле, померяемся силой. Я убил атамана Кольцо, я убил атамана Ермака и вас убью...

Не стерпели московские воеводы и вышли из Искера ночью. Мурза Карача ждал их и притворился трусом. Побежал Карача к Чили-Куль и повёл прямо казаков на самого Кучюма... Но хитрее оказались московские воеводы: разделили они казаков на две части -- одна пошла в погоню за Карачей, а другая с тыла обходила Чили-Куль.

-- Застонала земля, хан, -- говорит столетний Кукджу хану Кучюму. -- Бежит Карача, а за ним гонятся казаки.

Стоит хан Кучюм на холме и ждёт последней битвы. С одной стороны его поддерживает Хан-Сеид, а с другой -- шаман Кукджу. Татарское войско сошлось у озера, совсем готовое к битве. Последний сын хана Кучюма, молодой Абдул-Хаир скрылся в засаде. Всё готово; застыло сердце в груди у робких женщин, а земля стонет всё ближе и ближе... Не видят ничего слепые глаза старого Кучюма, но всё слышит его волчье ухо... Вот горячий скок татарских степных лошадей, вот дикий крик Карачи, лязг скрестившихся сабель и стоны раненых. Бежавший от казаков Карача повернул свой отряд к ним лицом и врубился в самую середину.

-- Молодец Карача!.. -- повторяет слепой Кучюм. -- Я слышу, как он рубит казаков... Пусть теперь Ураза-Магмет ведёт правое крыло на выручку Караче.

Хан махнул рукой, и киргизский царевич Ураза-Магмет полетел в битву. Напиравшие на Карачу казаки дрогнули от этого натиска,

а передние ряды попятились. Слышит хан Кучюм, как смешались казаки, а бешеный Ураза-Магмет рубит направо и налево. Но что это? Опять собрались казаки и напирают на Карачу. Ураза-Магмет врубился слишком далеко и не может поспеть на помощь Караче, а старый мурза бьётся один против пятерых.

-- Отчего я не слышу голоса Карачи? -- спрашивал хан Кучюм стоящего около него хана Сеида. -- Жив ли он?

-- Нужно выпустить засаду, хан...

Второй раз махнул рукой хан Кучюм, и вылетел со своей засадой Абдул-Хаир, точно пущенная из лука стрела. Дрогнули казаки от радостного татарского крика, смешались и побежали. Радостно крикнул и слепой хан Кучюм, услышав знакомый победный клик, и поднял обе руки кверху как стоял на молитве. Но рано обрадовался слепой хан Кучюм... Обманули его казаки своим притворным бегством, как обманывал их раньше мурза Карача: расступились казаки и засада Абдул-Хаира пролетела дальше, а когда казаки сомкнулись -- татарское войско было уже разделено. Отдельно бились все: и мурза Карача, и Ура-

за-Магмет, и Абдул-Хаир. Но это была ещё только половина беды: из-за озера поспевала казацкая засада, вихрем летевшая прямо на холм, где стоял сам хан Кучюм.

-- Бежим, хан! -- кричал Кукджу, подводя Кучюму верховую лошадь.

-- Я не хочу бежать, когда других бьют... -- отвечал неустрашимый хан. -- Пусть и меня убьют!..

Поздно заметил мурза Карача грозившую хану Кучюму опасность, но всё-таки полетел навстречу казацкой засаде, и ещё раз хан Кучюм услышал голос храбрейшего из своих мурз. Казаки давно заметили ханскую ставку и летели к дорогой добыче; дорого бы дал белый царь за пленного хана Кучюма... Близко казаки, замолк и голос Карачи, а хан Кучюм всё не двигается и всё стоит с поднятыми руками, ожидая смерти. Разбежались все в страхе, и около слепого хана Кучюма остались только: Сайхан-Доланьгэ, шаман Кукджу, да святой Хан-Сеид. Когда казаки уже вынеслись на холм к ханской ставке, Хан-Сеид протянул свои руки над головой Кучюма, и сделались они все четверо невидимыми: слепой хан

Кучюм, Сайхан-Доланьгэ, шаман Кукджу и сам Хан-Сеид.

Великая беда случилась и великое чудо!

Х

Последний сын хана Кучюма, молодой Абдул-Хаир, киргизский царевич Ураза-Магмет и старый мурза Карача попали в плен, а с ними вместе и две ханши, две красавицы, Симбула и Сузгэ. Остальные были перебиты, уведены в Искер пленниками или разбежались по степи как зайцы. Пока стояла в степи кость Ибака, зелёная степная трава ещё не видала такого горя... Но этого мало: те, кого не взяли в плен казаки, сами пришли в Искер с повинной. Так передался белому царю старейший из ханских советников Чин-мурза, а с ним пришла в Искер неутешная Кюн-Арыг.

-- Мне бы хоть один раз взглянуть на Махметкула, -- объясняла мать батыря, -- всего один раз... А больше мне нечего ждать. кроме смерти.

С честью принимали московские воеводы этих знатных перебежчиков и с честью от-

правили в Москву, вместе с пленниками и пленницами. Лучший цвет Искера ушёл с нами, и в степи оставался один слепой хан Кучюм, которого не могли взять ни хитростью, ни лаской, ни силой. Далеко в верховьях Иртыша скрывался слепой хан, а с ним скрывалась красавица-ханша Сайхан-Доланьгэ. Страшную бурю уносила в себе молодая ханша с побоища на Чили-Куль: в ней, в Сайхан-Доланьгэ, таилась река крови, которая должна пролиться, страшная неволя врагов и зарево пожарищ. Уносила в себе красавица-ханша и двух близнецов, двух Кучюмовичей. Нет, не умрёт волчья кровь слепого хана Кучюма, а с ней не умрёт и заклятая вражда к русским, ко всякому, кто протянет руку в степь. По вечерам долго сидит у огонька молодая ханша Сайхан-Доланьгэ, сидит и поёт свою любимую "Песню о соломинке", а слепой хан Кучюм горько плачет...

— Было у тебя пять сыновей, — поёт Сайхан-Доланьгэ, — как пять пальцев на руке... А теперь не осталось ни одного. Не печалься, мой хан: двух сыновей рожу я тебе, двух Кучюмовичей. Огнем пройдёт кость Ибака по

степи...

Бережёт слепой хан Кучюм молодую ханшу, а их обоих берегут Хан-Сеид и шаман Кукджу как две схватившихся руки. Четверо их, и никого они не боятся: пусть отдохнёт хан Кучюм, пусть поёт свои песни Сайхан-Дола-ныгэ. То в лесу они живут, то в степи, а больше всего любит молодая ханша крутой берег пенистого Иртыша. Здесь нашёл Кучюма посол московских воевод из Искера и сказал:

-- Хан Кучюм, лучше тебе покориться белому царю, чем одному скитаться в степи... Твои сыновья и жёны в плену, мурзы и советники перебиты или тоже в плену; не на что тебе больше надеяться. А белый царь тебя пожалует своей милостью, как и других ханов и князей...

-- Белый царь -- мой брат, и я не отдавал ему сибирского царства, -- гордо отвечал хан Кучюм. -- Если у меня взяли силой Искер, то это так нужно: Бог велик. Так и скажите моему брату, белому царю! Когда я был в счастье, то не хотел ему покориться, а в несчастье покоряются только трусы.

Посол посмотрел на слепого хана с сожалением.

нием, но Хан-Сеид сказал ему:

— Ты рано пожалел хана Кучюма... Да. Он сильнее ваших московских воевод. Оставайся до вечера и сам увидишь.

Улыбнулся посол словам ханского советника, но всё-таки остался посмотреть на силу слепого хана Кучюма. Это было на крутом берегу Иртыша, -- правый берег крутой, а левый разлёгся степью. Сидит посол у ханской ставки и видит: вышла молодая ханша Сайхан-Доланьгэ на берег, переплыла пенившуюся реку на деревянном плоту и пошла в степь. Идёт красавица-ханша по степи, рвёт траву и полными горстями бросает по обе стороны. За ней идёт шаман Кукджу и шепчет заклинания над сорванной травой.

— Ты видишь, что делает красавица-ханша? -- спрашивает Хан-Сеид.

— Вижу: ходит по степи да рвёт траву...

— Смотри теперь, что будет дальше.

— Смотрю...

Долго ходила Сайхан-Доланьгэ по степи, пока не исчезла из виду. А посол всё смотрит... Пропал вместе с ней и столетний шаман Кукджу. Тогда Хан-Сеид поднял обе руки

кверху, закрыл глаза и дунул в степь. Свершилось великое чудо на глазах посла: зашевелилась сорванная ханшей трава как живая... Где-то ударили в большой бубен -- и вышли большие люди; ударили в малые бубны -- вышли простые джигиты. Сколько сорвано было ханшей травы, столько вышло в поле и джигитов. Весело развеваются конские хвосты на высоких копьях, ржут кони, бьют бубны, а войско всё прибывает... Насколько хватал глаз -- везде из земли выходили джигиты. Страшно стало послу, а Хан-Сеид опять поднял руку кверху, дунул -- и войско пропало.

-- Иди в Искер и скажи своим воеводам, что видел своими глазами, -- объявил ему Хан-Сеид. -- Много ещё силы у слепого хана Кучюма...

Так и сказал посол в Искере, а воеводы распустили слух, что ногаи зарезали слепого хана. Неправда это: жив старый хан Кучюм и сейчас, он бродит по степи с невидимым войском. Где он прошёл -- там лежит трава, сорванная ханшею Доланьгэ. Один он остался, потому что один не изменил своей матери-степи и искал честной смерти в открытом

бою с врагом. Вот почему, где будет в степи
стоять кош и где будет куриться живой ого-
нёк, там будет петься и слава старому хану
Кучюму, красавице-ханше Сайхан-Доланьгэ и
грозным Кучюмовичам!